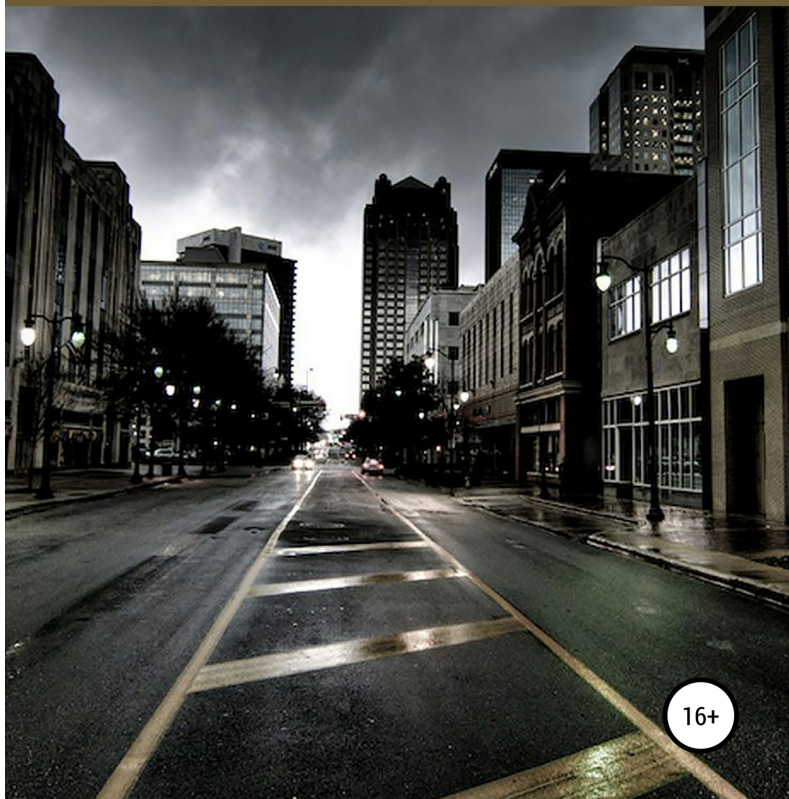

Владимир Шапко
СМОТРИТЕЛЬ ЖИВОТНЫХ
Повесть

16+

Владимир Шапко

Смотритель животных

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57142525

SelfPub; 2020

Аннотация

В силу физической и психической неполноценности, Альберт Ратов скрытен, опасен и крайне жесток с животными. Однако за все свои выходки – он должен ответить.

Содержание

1	4
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

1

Когда увидел за деревьями оградительные щиты передвижного зверинца, – разом вспотел, а сердце куда-то пало. Щиты были те же: облезлые, высокие, стоящие – как карты в ряд. Как карты с рисованными животными... Всё так же орал в парк зазывала из динамика над входом, чередуя вопли свои с музыкой оттуда же. Толпился всё так же у кассы и входа воскресный народ...

Знакомых рож не встретил. Ни у кассы, ни на входе. И там, и там работали совсем другие люди. Поменяли всех, конечно, давно поменяли, два года прошло. Более или менее успокоившись, Ратов толокся с людьми в зёв зверинца, отирался платком.

В высокой клетке на колёсах обезьяны будто учились медленно ходить по полу всеми четырьмя лапами. Все были с лианными крючкатыми хвостами и кожаными потёртыми задницами. Здесь всегда было много наблюдающих. Точно в зеркале – сразу узнавали себя и товарищей. Тыкали пальцами: смотри! смотри! вон – вылитый ты! Потом долго обрадованно смеялись. До тех пор, пока какой-нибудь лохматый самец не садился на пол домиком и не начинал с помощью своих ладошек и красной палочки, вылезшей из него, добывать как бы первобытный огонь... Пунцовые, возмущён-

ные, первыми утаскивали детей матери. Затем растекались и остальные. Оставались только самые стойкие. Двое, трое мужчин. И какая-нибудь поддатенькая бабёнка с ними. Все слегка возбужденные, хихикали, подбадривали лохмача: давай, давай, обезя, работай! Загнувшийся, старающийся самец помимо палочки высовывал ещё и язык. Как смачную красную краску. Точно от позывов в туалет, поддатенькая в нетерпении приплясывала, сучила ножками, оборачивалась, смеялась. Тем самым показывала всем полную свою осведомленность в таких делах.

Строго по инструкции смотритель давал по клетке водой из брандспойта. Все обезьяны разом повисали на железной сетке как моряки после штормовой волны, отплёвываясь водой и, по-видимому, матерясь. Сам нарушитель режима – тоже висящий – ничего не понимал: за что?!

Через какое-то время возле высокой этой клетки вновь накапливались зеваки. Другие зеваки. Вновь тыкали пальцами... И всё повторялось... Люди поспешно уходили от клетки в разные стороны. Безобразие! Почему показывают этих безобразников?! Ведь срам один каждый раз, честное слово!..

Возле другой клетки, низкой, где почему-то нервничал полуоблезлый старый дикобраз – приходили в себя. Более или менее успокаивались. Дикобраз бегал по клетке, шумно шуршал иголками. Как какая-то полностью расчихвоенная китайская акупунктура... А вообще – что ещё тут смотреть?

Уже совсем помешанные, раскачивались в клетках медведи. Эти Ратова не интересовали – безмозглые клоуны, за кусок сахара на гармошках будут играть, лапами задираТЬ-дрыгать. Ратов продвигался дальше и дальше, обходя клетки... Наконец увидел Королеву...

Королева несколько не изменилась! Была всё та же! Быстро ходила по большой клетке, как трехметровый полосатый пойманный огонь! Не сбавляя хода, рыкнула на Ратова. Узнала, узнала, стерва! Ратов готов был прыгать. Уже неуправляемое, дыхание Ратова страшно участилось, сердце начало толкаться, рваться в глотке. Но сдерживал, сдерживал себя, пьянел, покачивался...

– Ты опять, сволочь, здесь? – тихо сказали ему в ухо. Крепко взяли за шиворот и локти: – Ну-ка пошли!

– А чего! Чего! – Ведомый Никифоровым и Парасюком, Ратов пытался вырваться. – Законно! Козлы! Билет купил!

Выпнутый из прохода зверинца наружу, отпускал напряжение, страх, отряхивал пиджак, брюки. Быстро взглядывал на высокие, тесно составленные щиты, точно быстро запоминал их растасовку, последовательность, их местоположение в парке...

2

Два года назад, когда Рашид Зиятович Акрамов впервые раскрыл паспорт Альберта Константиновича Ратова... то был несколько удивлён, если не сказать больше: Альберт Константинович, будучи коренным москвичом (вот же: родился в Москве, живёт сейчас, прописан), приехал сюда, в город Клин, устраиваться в передвижной зверинец на работу. Правда, приехал по объявлению, но всё равно – из Москвы – сюда... Работы, что ли, нет для вас там? Альберт Константинович? Странно даже, знаете ли...

– Не в этом дело! – прервал его Ратов. Отвернул лицо к зарешёченному оконцу вагончика. Коротко, скорбно рубил: – Тётка тут. Больная. Одна осталась. Надо помочь...

Перед Акрамовым сидел мужичонка под сорок, с серым расплывным носом, с куполообразным, широким ртом змия. Алкаш? Отовсюду выгнали с работы?.. Однако – горд. Очень горд. Одно имя-отчество чего стоит – Альберт Константинович... И с таким именем – метлой махать? Мыть клетки?.. Странно...

В окошко вагончика застучала клювиком синичка. Точно к себе домой. Вот чертовка! Как по часам! Акрамов встал, сквозь решётку открыл окошко. Как будто работающий веер – синичка сразу стала облетать ошарашенного Ратова. Точно намеревалась долбануть его в темя. Акрамов кинул ей пшена

на пол. Она снырнула сверху, стала скакать по полу и склёвывать...

– Понимаете... Как бы это сказать... Работа смотрителя животных не то что тяжёлая, но... но очень грязная. Ведь приходится убирать клетки, чистить, извините, дерьмо за животными... И потом, работа у нас сезонная. Пока приедем, пока как-то обоснуемся – а уже и уезжать пора. Осень. Холода... Отправляемся назад. Или в Среднюю Азию, или в Крым...

– Знаю, – кивнул Ратов.

– Вы что? – работали у нас? – вскинулся Акрамов. – В нашей системе?

– Нет! – излишне поспешно вырвалось у Ратова. – Не работал!

– Вот видите... А говорите...

Смотрели на клюющую птичку. Синица закончила на полу, вспорхнула, снова начала делать Ратову частенький веерок, упорно желая долбануть-таки его... Но, попугав, опять передумала и унырнула из вагончика наружу. Ратов приглаживал волосы, про себя матерясь.

– Каждый день прилетает, – с гордостью сказал Акрамов. – Как по часам...

– Птица... – подтвердил Ратов. – Прикормлена.

Акрамов смотрел на него, как смотрят на человека, который не верит в чудеса... Потом, постукивая карандашиком стол, Рашид Зиятович Акрамов думал. Южное чёрное лицо

его с красными губами напоминало жаровню.

– Не тяжело будет?.. – Акрамов кивнул на больную, в ортопедическом ботинке ногу Ратова, которая походила на круто взнятой дзот.

– Нет. Всего лишь третья группа. Такие работы допустимы.

– Так, так, – всё стучал карандашик на столе.

Створку окошка покачивало. Акрамов смотрел туда. Словно там всё ещё оставалась энергия улетевшей птички...

Только свернул на улицу Крупскую, как сразу увидел Ковалову. Соседку Люськи. Старуха Ковалова шла навстречу с резкой своей перевалкой. Активно уволакивала за собой и хозяйственную сумку на колёсиках, и свои больные ноги. Ратов думал, что не узнает, не вспомнит, пройдёт. Отвернул лицо в сторону.

– Стой, Альбертка! – вскричала Ковалова. Ратов остановился. – Ты когда рубль двадцать отдашь? – Как будто не год прошёл, как занимал, а неделя. Вся в морщинах, зараза. Как хоккейная морда.

– Ты чего, Альбертка, оглох?.. Ну-ка давай рассчитывайся! С места не сойдёшь!

Пришлось доставать, отсчитывать. Держи, Маресьев! Ковалова задёргала сумку и свои больные ноги дальше. Захохотала на всю улицу: «То-то Люська сейчас обрадуется!..»

Вот зараза. Плохой знак.

В эти минуты ничего не подозревающая Люська Козляткина раскатывала тесто на столе в кухне своего домика по улице Крупской. В широком окне вдруг увидела Альбертку. Альбертку Ратова. Сворачивающего прямо к её дому. Сворачивающего с чемоданом!

В следующий миг уже была во дворе, уже бежала к калитке. В домашнем платышке, косоноженькая.

– Ну-ка давай назад! Заворачивай немедленно! Москвич сраный! – Непримиристо взмахивала ручкой: – Давай, давай, нечего тут! – Схватилась даже за штакетину калитки: граница на замке! Головёнка Люськи Козляткиной с косицей округлостью своей походила на крутящееся на земле артиллеристское ядро с дымком. Стрельнутое из пушки. Однако широкий закруглённый лоб её постоянно собирался в морщины. Постоянно думал. Как наигрывающая сама себе гармошка: – Это что же будет? Этот пан Дрочило опять будет меня сигаретами жечь?.. Н-не выйдет! Н-не дамся!

– Да тихо, дура!.. – Ратов толкнул калитку, откинув Люську. С чемоданом впереди себя, как с тараном – ввалил. – Вон. В сарае буду жить.

– А кур куда денешь, идиот? Кур?! – Из сарая слышались самодовольные всполохи-квохты кур, благополучно выкидывающих свои яйца.

– Найдёшь куда. Пятнадцать хрустов буду платить. – И, видя, как углублённо заиграло всё на лбу Козляткиной, Ра-

тов подвёл черту: – В общем, убери там. Раскладушку поставь... А я в баню пока схожу... С дороги...

– Иди, иди, потрясись там с дороги. В душе перед дыркой. В Москве-то негде. А здесь-то благодать!

– Тихо, сволочь!.. Н-на деньги и заткнись!

Ратов хлопнул калиткой. А Люська... а Люська Козляткина пнула оставшийся чемодан.

В то памятное историческое для сотрудников зверинца утро, собрав всех у конторы, Рашид Зиятович Акрамов сказал не без торжественности:

– Вот, товарищи, это наш новый сотрудник – Альберт Константинович Ратов. Прошу, как говорится, любить и жаловать!

Ратов стоял перед всеми в великом ему рабочем халате, халате до пят, с поджатыми ручками – как суслик возле утренней норки.

Кругом было много солнца. Из парка свисал на вагончик уже потёршийся плюш двух дубов. И десять мужчин и три женщины смотрели из тени на Ратова молча, без всякого воодушевления. Один, высокий, с маленьким ротиком, вдруг сказал: «Не долго мучился котёнок в высоковольтных проводах». Сказал, на взгляд Ратова – как в лужу пёр.... Двое-трое прыснули. Остальные точно не услышали этих дурацких слов.

Ратов начал решительно засучивать рукава халата. «Раз-

жарило барыню в нетоплёной бане!» – тут же выдал с маленьким ротиком. На этот раз засмеялись все. Тоже смеясь, Акрамов говорил Ратову:

– Не обижайтесь, Альберт Константинович. И не обращайтесь внимания. Это наш Пожалустин так всегда шутит...

У Пожалустина ротик-дырочка был как у скворечника. Как у гнезда дуплянки. «Вся порода винохода, только бабушка рысак», – выдал он, глядя Ратову прямо в глаза. Уже под хохот сотрудников. Про кого он так? Про себя, что ли? Или про меня?.. Однако шуточки у козла, думалось Ратову.

Почти всё то первое свое рабочее утро (во всяком случае, до десяти, пока не пошли посетители) Ратов ходил за высокой плечистой женщиной. В облегающих штанишках в колёно, смахивающей на крупного жокея. Фамилия у женщины была забирающая – Стоя. Но рост! Это ж какого коня надо, чтобы вставить ей сзади!..

Мало понимая, о чём говорит ему женщина, показывая на клетки и животных, Ратов стремился отгородиться от её лица, оказаться позади неё. Глаза Ратова липли к высоченному запакованному заду женщины. К тугим, затянутым материалом ногам её... Торбаса-а!.. Ратов чувствовал, что нужно срочно отвалить куда-нибудь и... и заняться делом... но шёл за «торбасами» как привязанный...

– Вы понимаете, о чём я говорю? – внимательно посмотрели на него из-под густой каштановой кубанки волос карие

глаза.

– Понимаю, Татьяна Леонидовна. – Ратов старался сосредоточиться: – Попугай... Это... как его?.. Подсолнечник... зерно... просо... Два раза в день...

Шли дальше.

– А вот это гордость нашего зверинца, – остановилась у большой клетки Татьяна Леонидовна Стоя. – Бенгальская тигрица по кличке Королева...

Ратов застыл. За толстыми прутьями клетки ходило мощное животное. Точно перекатывало по себе громадный живой камуфляж, разрисованный чёрно-коричневыми полосами. Огромная кошачья морда, рыкая, как будто давала лучами из клетки... Лицо Ратова пошло окалиной. Как у паяльника. «Сука, – забывшись, шептал скуластенький паяльник, – большая бенгальская сука...»

Женщина подумала, что ослышалась:

– Что, что вы сказали?

– Ничего!.. Я сказал, что – кошечка... Бенгальская... Красивая...

Странный мужичонка, подумала тогда у клетки Королевы Татьяна Леонидовна Стоя, заместитель Акрамова по ветеринарной части, проще говоря – ветеринар зверинца. Очень странный...

Ночью Ратов попытался проникнуть в дом. К Люське. Осторожно потянул за ручку сенную дверь... С силой по-

тряс. Дверь даже не шелохнулась. Помимо крючка она явно была закрыта ещё и на балку... Ратов вытаращился на висящие вверху рои звёзд... Вот сука, так сука-а... Замуровалась... Как припадочный задёргал ручку... Бесплезно!.. Пнул в доски что есть силы. Пошёл от двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.